

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man is on the left, with a beard and dark hair, wearing a dark grey sweater. The woman is on the right, with blonde hair, wearing a red sweater. They are looking at each other with soft expressions.

Максим Пахотин

Бесперспективный холод. Как с этим жить?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Пахотин

Бесперспективный холод. Как с этим жить?

<https://litres.ru/73957494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глубокая психологическая драма о мужчине, который учится жить с тяжелейшим предательством. Главный герой, прошедший через множество испытаний военный, получает шокирующее видео с изменой своей жены.

История разворачивается на фоне военных действий и личных трагедий, показывая путь героя через боль, гнев и отрицание к сложному процессу принятия. Автор раскрывает, как детская травма от первой любви сформировала его отношение к предательству и как это отразилось на всех последующих отношениях.

Произведение затрагивает темы верности, любви, прощения и силы духа. Это не просто история о предательстве — это исследование человеческой души, рассказ о том, как жить с болью и при этом не потерять себя.

Книга будет интересна тем, кто интересуется психологическими драмами, историей преодоления травм и

поиском пути к исцелению после серьезных жизненных испытаний.

Максим Пахотин

Бесперспективный холод. Как с ЭТИМ жить?

ПРОЛОГ. Мангал, тетради, пепел

Дача. Поздняя осень — когда небо низкое, а земля уже схвачена первыми заморозками. Ровно через два года после возвращения из последней командировки.

Я один. Кристина уехала в город за хлебом и ещё чем-то по списку, дети в школе. Сказал, что буду мангал чистить. Правда, мангал был чистый — я его ещё в августе выскреб до блеска. Но ей этого знать не обязательно.

Вынес тетради в старой картонной коробке из-под обуви. Три толстые, в клеёнчатых обложках, и два ежедневника — один в твёрдом переплёте, другой дешёвый, на спирали, с потёртыми уголками. Два года писанины. Вот так — два года жизни в стопке бумаги, которую можно сжечь за час, если ветер не очень сильный.

Разжѐг. Не жидкостью для розжига — берестой, щепками, старой газетой. У меня принцип: если жечь, то по-человечески. Пламя сначала нехотя, потом схватилось. Достал первую тетрадь. Открыл на середине, пробежал глазами: «Он пришѐл, она улыбнулась, он взял её за руку...» Тот самый бред, который сочинял ночами, пока Кристина спала

в двух метрах. Тогда верил в каждую букву. Сейчас смотрю — как на чужое. Но знаю — моё.

Бросил в огонь. Бумага корчилась, чернела по краям, краска сладко загоралась и пахла гарью. Не так, как листья осенью, — тяжелее. Как если бы память имела запах. Вторая тетрадь пошла легче. Третью разорвал пополам — не лезла целиком. Обложка долго не хотела гореть, скрутилась в трубочку, пришлось ткнуть её кочергой. Искры полетели вверх, растворились в сером небе.

Посреди процесса остановился. Курил. Смотрел, как уголёк с буквой «я», выгоревшей из строки, светится алым и медленно гаснет.

«Я не забыл. Ни одной картинки. Ни сливы, которую она кормила его с руки, ни салона машины, ни кровати. Но я перестал требовать расплаты».

Раньше, в первые месяцы, хотел, чтобы она страдала. Чтобы каждую ночь вставала и читала мои дневники. Чтобы просила прощения за завтраком, обедом и ужином. Потом понял: это не жизнь, это суд. А судья в моей голове — самый жестокий — уставал к вечеру, но утром заступал на пост с новыми силами. Теперь — тихо. Не всегда, но почти.

Последний ежедневник, на спирали, не стал листать. Просто сунул в самую гущу огня. Спираль раскалилась, бумага взвилась, и на секунду показалось — слышу свой собственный голос, записанный где-то между строк: «За что? За что, блядь?» Никто не ответил. И не должен.

Затушил сигарету о край мангала, закурил новую.

Через полчаса от тетрадей осталась куча пепла, похожая на мокрый снег. Пошевелил кочергой — внутри ещё тлело, но без сил. И тогда услышал шаги за спиной.

— Чай будешь? — спросила Кристина.

Не обернулся. Она стояла на крыльце, в своём старом пуховике, который мы купили ещё в прошлом городе, и держала две кружки с заваркой. Кипяток — в термосе, она научилась так возить, чтобы не остывал.

— Буду, — сказал я.

Она подошла, поставила кружки на лавку, села рядом. Не спрашивала, что я жёг. Не лезла смотреть. Люблю её за это — за умение молчать рядом. Полминуты сидели так. Потом она сняла варежку и положила ладонь мне на плечо. Тёплую. Пахло чаем и яблочным пирогом — она пекла его сегодня к возвращению ребят из школы.

Не отодвинулся.

Раньше, пару лет назад, любое её прикосновение запускало прокрутку: «А его она трогала так же? А он? А там?» Теперь — нет. Или почти нет. Но научился не пускать это выше головы. Как старый, уже не смертельный, вирус.

— Замёрз? — спросила она.

— Нет, — соврал я.

Она налила чай, подвинула одну кружку ко мне. Выпили молча. Смотрел в мангал, она — на старые яблони, которые надо было обрезать, но руки так и не дошли.

— Ты сегодня спокойный, — сказала тихо.

— Ага.

— Хорошо.

И это «хорошо» не было фальшивым. Она не выпрашивала. Не проверяла, простил ли окончательно. Мы оба знаем. прощение — не точка, это запятая, которая пишется каждый день. И сегодня получилось. Завтра — не знаю.

Допив чай, поставил кружку на мангал.

— Пойду, дрова занесу, к ночи холодно.

Она кивнула. Встал, потянулся, хрустнул спиной. Взял пустую коробку, смял её, сунул в мангал — добить огонь. Пепел взлетел, осел на рукава, на лицо. Не сдул.

Оборачиваясь на ходу, бросил взгляд в мангал. Среди серой массы и чёрных ключев блеснул уголёк — буква «я», которая никак не хотела сгорать. Засыпал её пеплом.

Не герой. Не молодец. Просто мужик, который однажды утром встал, посмотрел в зеркало и не увидел там ни предателя, ни преданного. Только лицо и уставшие глаза.

Из дома донеслось: «Пап, а когда обед?» — это младший вернулся из школы.

— Сейчас, — крикнул я. И пошёл. Не оборачиваясь на дым.

Глава 1. Шестнадцать, общежитие, чужие глаза

Мне было шестнадцать. Горный техникум, первый курс.

Сентябрь или октябрь — уже не помню, но было тепло, хотя по ночам тянуло холодом. Мы встречались с Леной несколько месяцев. Тогда мне казалось, что я её люблю. Настоящей любовью. Сейчас понимаю: я понятия не имел, что это слово значит. Но тогда — верил.

Приятели доложили раньше, чем она успела сказать. «Твоя Ленка с третьекурсником гуляет. Видели в парке, рука об руку». Конечно, мог не ходить к ней. Мог сделать вид, что мне всё равно. Но пошёл. Глупость? Может быть. Казалось, я должен услышать это от неё. Своими ушами. Глядя в глаза.

Общежитие техникума — типовое пятиэтажное здание, обшарпанное, с запахом борща и дешёвых сигарет в подъезде. Она вышла на площадку перед крыльцом. Волосы распущены, джинсы в обтяжку, куртка-косуха — тогда это было модно. Глаза — чужие. Будто видит меня в первый раз.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — ответила. Помолчала. И добавила, не глядя: — Тебе что, не сказали?

Промолчал. Смотрел на неё. Руки замёрзли, но не сунул их в карманы — не хотел выглядеть слабым. Она вздохнула, как будто я был проблемой, которую надо решить побыстрее.

— Я встретила другого. Прости.

Всё. Ни «давай останемся друзьями», ни «ты хороший парень, но...». Просто факт. Другой есть. Меня больше нет.

Не сказал ни слова. Не спросил, кто он. Не попытался обнять, уговорить, устроить сцену. Просто развернулся и по-

шёл. Спиной чувствовал её взгляд. Может, ждала, что обернусь. Я не обернулся.

Шёл быстро, сам не зная куда. Ноги принесли в парк — тот самый, где мы гуляли по выходным. Скамейка под старой липой, на спинке кто-то вырезал сердечко. Сел, закурил — тогда уже курил, украдкой, чтобы мать не узнала. Сигарету вытащил из пачки дрожащими пальцами.

Попытался осмыслить. Что я чувствую?

Обида. Грусть. Даже сейчас, через двадцать с лишним лет, не могу назвать иначе — было больно. И ещё — понял, что буду по ней скучать. Привык, наверное. К её смеху, к тому, как она крутила прядь волос на палец, когда злилась.

Подумал: а может, побороться за неё? Прийти к этому третьекурснику, поговорить по-мужски? Или цветов натаскать, стихов написать? Думал так с минуту, пока сигарета не обожгла пальцы.

Потом сказал себе: нет. Она сделала выбор. Она предала. Не просто ушла — даже не сказала сама, пришлось вытягивать клещами. Зачем бороться за предательницу? Если человек выбрал другого — он уже не мой. Никогда не будет моим по-настоящему. Этот принцип выдумал тогда, на скамейке, под шум чужих шагов и лай собаки где-то вдалеке. И пронёс через годы. Как выученный урок.

Докурил, растоптал окурок ботинком. Встал. Спина была холодная — пот прошиб, хотя на улице не морозно.

На следующий день в группе ребята спросили: «Ну чё,

правда Ленка от тебя ушла?» Усмехнулся, пожал плечами: «Да сам её бросил неделю назад. Надоела. Уже новая есть».

Они заулыбались, похлопали по плечу. «Молодец, правильно, чего с этими бабами цацкаться».

А внутри всё жгло. Переживал. Чувствовал себя ущемлённым. Как так: мне предпочли другого? Со мной что-то не так? Я хуже? Я слабее? Внешне — железо. Внутри — каша из обид, которых не умел назвать своими именами.

Запомнил главное: если не бросишь первым — бросят тебя. И будет больно. Очень. А я больше не хотел быть тем, у кого болит.

Так закрыл ту дверь. Не на ключ — на засов, который с годами только тяжелел. Казалось, я повзрослел. А я просто заморозил себя в тот вечер на скамейке.

И не оттаял потом двадцать лет.

Глава 2. Заповедь «Бросай первым»

После Лены сделал вывод. Простой и железный: если не хочешь, чтобы бросили тебя — бросай сам. Не дожидайся удара. Не верь, что можно не предать. Все предадут. Рано или поздно. Значит, нужно быть быстрее.

Восемь лет. От первого курса техникума до последнего курса института МВД. Восемь лет проверял эту заповедь на девушках. Их было трое. Не десятки, не любовь на ночь — нормальные отношения, каждая могла бы стать чем-то боль-

шим, если бы я позволил. Но я не позволял.

Первая серьёзная — Оксана. Педагогический колледж. Познакомились в парке. Оксана была другая. Не из тех, кто пьёт портвейн на лавочках. Тихая, с книгами, смотрела внимательно и всё понимала без лишних слов. Мне нравилась по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.